Глубокоуважаемый Григорий Алексеевич! Прежде всего, от имени собравшихся здесь мусульманских предстоятелей, хочу выразить Вам нашу искреннюю признательность за организацию сегодняшней встречи, посвященной нашему сотрудничеству в работе по сохранению духовных религиозных традиций мусульман и развитию отечественного мусульманского образования. То есть, нам предстоит обсудить вопросы стратегического плана, вопросы, к решению которых мы уже, хвала Всевышнему, приступили на практике. За весьма короткий срок при государственном содействии в нашей стране было создано 7 исламских университетов, получивших чрезвычайно важные официальные названия «российских». Сам по себе этот знаменательный факт вызвал, без преувеличения, радость и глубокое удовлетворение в отечественной мусульманской умме. А для международной общественности в целом и для наших зарубежных единоверцев, в особенности, он стал убедительным свидетельством того, что прием России в Организацию Исламская конференция со статусом наблюдателя был не просто оправданным, но и по-настоящему заслуженным нашей страной.

Быстрое создание в Российской Федерации целой сети учреждений высшего мусульманского образования приблизило всех нас к решению одной из актуальнейших задач, особенно обострившейся в последние годы, а именно: освободиться от вынужденной зависимости от зарубежных мусульманских университетов в деле подготовки отечественных служителей Ислама.

Накопленный нами коллективный опыт позволил даже тем, кто наивно фетишизировал зарубежное образование, убедиться в том, со сколькими негативными издержками оказалось оно связанным. Всем нам, собравшимся здесь, до сих пор приходится прямо или косвенно иметь дело с этими труднопреодолеваемыми издержками, что вполне понятно, ведь речь так или иначе идет о деформациях, которым в большей или меньшей степени подверглось сознание наших совсем еще юных граждан, почти подростков, которых мы вынуждены были направлять на учебу в страны с преобладающим в них, по существу, средневековым общественным сознанием. Причем, особый драматизм ситуации заключался в том, что такое сознание было и остается укоренным в первую очередь и главным образом, как раз среди тех, кто становился учителями и духовными наставниками наших учащихся и «не скупился» на то, чтобы в максимально возможной мере привить свое ретроградное сознание тем, кто пришел учиться у них. В итоге мы нередко получали обратно молодых людей с заметно деформированным общественным мировоззрением и социально-политическими взглядами, обращенными чуть ли не в средневековье. Вдобавок они еще получали свое профессиональное религиозное образование в русле, не просто расходящемся с нашим традиционным ханафитским мазхабом, известным своей рациональностью и широтой, но в русле толков, заряженных большим потенциалом экстремизма, нетерпимости и даже враждебности по отношению не к «своим».

Но, подчеркну, благословленное Всевышним создание сети отечественных мусульманских университетов - это только первый шаг, но не единственный, который должен быть сделан. Уже сейчас становится очевидным, что одного этого шага недостаточно, поскольку, без других звеньев решение задачи создания прочной, эффективной системы образования рискует оказаться под большим вопросом и затянуться на долгие годы.

Поясню, что я имею в виду. Можно ли представить себе, что в какой-нибудь светский вуз, специализирующийся, скажем, по математике, физике или химии, принимались бы абитуриенты, не получившие среднего образования по соответствующим учебным дисциплинам? Конечно же, нет. А вот исламский университет принимает абитуриентов, не имеющих специализированного, то есть, в нашем случае, религиозного среднего образования. Это все равно как если бы в математический вуз, занимающийся по определению высшими разделами математики, принимали абитуриентов, не получивших знания по предшествующим разделам этой многогранной и многоуровневой науки. А ведь исламская наука в целом, конечно же, не менее многогранна и «ступенчата». Кстати, тем, кто в данном случае возразил бы и сказал, что в медицинские вузы поступают не обязательно только те, кто окончил специализированное медицинское училище, но и те, кто окончил обычную стандартную среднюю школу, можно напомнить, что в медицинских вузах сроки обучения заметно длиннее, чем в любых других, и происходит это в значительной мере из-за необходимости компенсировать отсутствие у абитуриентов предшествующего звена образования. Более того, после вузовского медицинского образования следует еще и ординатура. Одним словом, современный уровень практически всякого профессионального знания повсеместно требует создания, как минимум, трехзвенной образовательной системы.

Показателен пример университетов исламского мира, например, знаменитого Фесского университета в Марокко. Поступающим в него абитуриентам в обязательном порядке требуется сдача вступительного экзамена, знаний наизусть серьезного объема коранического текста и впечатляющего количества хадисов Пророка Мухаммеда (мир ему!), что само по себе требует не одного года специальной предварительной подготовки.

Для абитуриентов из нашей страны, правда, делалось и продолжает делаться исключение: их принимают без подобных экзаменов, в силу понимания дружественными нам марокканцами реалий нашего недавнего атеистического бытия, бескомпромиссно исключавшего какую бы то ни было возможность сколь-нибудь систематического приобщения наших подрастающих поколений к мусульманским духовно-религиозным традициям, в которых непременная и первостепенная доля всегда принадлежала изучению Корана и Священного мусульманского предания.

Я полагаю, что сегодня перед нами, перед всеми нами, стоит оперативная задача организации, как минимум, двухзвенной системы мусульманского образования, с прицелом на создание в не очень далеком будущем трехзвенной, которая включала бы в себя:

- Первое – среднеспециализированную школу религиозного обучения, то есть, медресе.

- Второе – исламский университет.

- Третье – исламскую академию.

При этом я заранее соглашусь с теми, кому представляется малореалистичной, по крайней мере, на сегодняшний день, идея создания сети медресе, как автономных единиц довузовского исламского образования.

Но, мы могли бы начать с того, что ввели бы в структуру мусульманских вузов специальное учебное звено, которое выполняло бы задачи медресе, а поступали бы в такое, так сказать, «внутреннее медресе» при исламском вузе учащиеся, получившие неполное среднее образование в обычных образовательных школах. И, естественно, что сроки и программы обучения в таких медресе должны были бы надежно обеспечивать учащемуся качественное завершение полного среднего светского образования и получение им соответствующего диплома государственного образца.

Создание на данном этапе двухзвенной системы мусульманского образования позволило бы нам решить наилучшим образом упомянутую выше задачу обучения наших учащихся в зарубежных мусульманских вузах, без которого, хотим мы того или нет, нам не обойтись из-за необходимости глубокого и надежного овладения арабским языком, как рабочим языком всякой мусульманской учености.

Чтобы понять, насколько серьезна такая необходимость, достаточно вспомнить, что и сами арабы, то есть, носители арабского языка, не могут непосредственно обращаться к основополагающим источникам ислама без предварительного специализированного углубленного изучения своего родного языка.

Зарубежное обучение наших будущих предстоятелей-имамов в случае двухзвенной системы начиналось бы для них не сразу, не с нуля, как это практиковалось и продолжает, к сожалению, практиковаться до сих пор, но после серьезной целенаправленной их подготовки в течение нескольких лет к такому обучению.

При двухзвенной системе мусульманского образования мы фактически могли бы превратить зарубежное обучение в первую очередь и главным образом в стажировку по арабскому языку, затрачивая для достижения собственной цели не более двух, максимум трех лет вместо пяти лет при обучении с нуля. Два-три года зарубежного обучения посвящались бы, подчеркну, интенсивному овладению арабским языком, когда учащиеся проходили бы за этот относительно короткий срок полную вузовскую программу его изучения, занимающую обычно по времени не менее пяти лет. Но интенсивное обучение арабскому языку объективно требовало бы выделения для него очень значительного числа дополнительных учебных часов. И вот под этим объективным предлогом мы могли бы, не обижая наших зарубежных коллег, отказываться от их услуг в преподавании многих собственных религиоведческих дисциплин (причем - на наш выбор), сопряженных с рисками возникновения мировоззренческих и доктринальных

деформаций в головах наших студентов и их негативных последствий, о которых я говорил выше.

И еще. Многомиллионные, постоянно возрастающие мусульманские сообщества уммы западных стран (Европы - в первую очередь), сталкиваются с трудностями адаптации ее членов к условиям общественной жизни в этих немусульманских по своей природе плюралистических странах - к условиям, весьма резко контрастирующим с образом жизни в собственных мусульманских странах, выходцы из которых и составляют основную часть западноевропейской мусульманской уммы. Традиционные для «мономусульманских» стран общественное воспитание и образование оказываются для мусульман-эмигрантов, практически, не только малосовместимыми с условиями новой среды их обитания, но и зачастую откровенно конфликтными с ними, особенно когда их духовным окормлением занимаются предстоятели, приезжающие из соответствующих мусульманских стран и, как правило, не знающие специфики новой немусульманской (преимущественно христианской) общественной среды, и поэтому очень плохо ориентируются в ней.

Российскими мусульманами накоплен многовековой опыт совместного проживания и тесного взаимодействия не только с христианами, но и с другими религиями в рамках общероссийского многонационального и поликонфессионального сообщества самых различных народов. И этот опыт был бы в высшей степени полезен для мусульман, переселившихся и переселяющихся в страны Запада.

Любопытно, что современные западные руководители начинают осознавать такую особенность наших условий и ее преимуществ даже раньше самих мусульман. Визиты в нашу страну официальных представителей западных стран, например, из Германии, для специального ознакомления с жизнью российских мусульман в центре и на местах, говорят сами за себя, хотя, справедливости ради и к нашей общей радости, следует отметить уже возникающую среди самих западных мусульман тенденцию, пусть еще достаточно робкую, к их ориентации на нашу страну. Примером может служить Финляндия, хотя признаемся, что ее мусульманская община составлена в основе своей из выходцев мусульман еще царской России.

В любом случае я не сомневаюсь, что, если нам удастся без особых затяжек создать полнокровную систему многоуровневого мусульманского образования, мы сможем стать заметно более привлекательными для культурно-образовательной работы среди мусульман западных стран, чем предстоятели Имама, пребывающие к ним из собственно мусульманских государств, особенно те, кто входят в зоны «горячих точек» земли.

Излишне специально распространяться на тему о чрезвычайной стратегической важности реализации открывающихся для нас возможностей. Но она, эта реализация, возможна, опять-таки, лишь при условии дальнейшего обогащения содержания и совершенствования форм нашего конструктивного взаимодействия со структурами государственной власти нашей страны в целом, и с теми из них, что представляют центральную власть в наших регионах.

Вот почему, глубокоуважаемый Григорий Алексеевич, мы еще раз выражаем нашу признательность и благодарность за Вашу инициативу по организации нынешней очередной, как верно подчеркнуто в Вашем приглашении, встречи.

Я прошу Всемогущего Всевышнего Создателя даровать ей успех и еще теснее сплотить всех нас в великом деле восстановления и сохранения российских духовно-религиозных традиций российских мусульман на здоровой креативной основе- то есть подлинно мусульманской основе.

Спасибо за внимание.